

Снежка

1. Неожиданный подарок

Если это была воля случая, то воля, несомненно, чудесная! Представьте себе праздничный вечер 8 марта. Я, единственный в доме мужчина, еще не совсем отдышался от беготни по городу в поисках подарков для жены и тещи. И вот сидим, ждем гостей.

Раздается звонок. Входят первые двое. Я выхожу навстречу, здороваюсь, принимаю пальто. И вдруг вижу: на коврикe прихожей сидит маленькая, совершенно беленькая собачонка, ростом меньше кошки, и тихонько повизгивает, прижав уши и виновато моргая карими глазенками.

- Ой, Снежка! - говорю я, глажу собачонку, отчего она еще ниже падает к коврику, и, обратившись к пришедшим, спрашиваю:

- Вы ее не заморозите? На улице-то, поди, под двадцать...

- А разве это не ваша? - в один голос спрашивают гости. - Мы думали, что ваша. Она под дверью сидела, просилась...

- Потерялась, - сразу определила теща. - Бедная, вся дрожит.

И взяла ее на руки.

"Бедная" оказалась кобельком, японским пинчером. У этого существа была такая короткая шерстка, что мы решили: "Из другого дома песик быть не может: пока через двор бежал бы, от холода окачурился бы. Не иначе, как тутошний, соседский".

По причине надвигающейся ночи мы с объявлением о находке никуда не пошли. Когда наши гости откланялись, Снежка устроился на ночлег у тещи под одеялом. А утром я обратился к вездесущей дворовой ребятне с просьбой поискать хозяев, потерявших песика с белой блестящей шерсткой.

Мои гонцы добросовестно обошли все дома в округе - увы, без толку. Мы дали объявление в газету - никаких откликов. Так и остался у нас Снежка в качестве дополнительного подарка к Международному женскому дню.

Снежка был, судя по всему, годовалым щенком, ибо не все еще понимал. Но кое-что уже постиг. Умел, например, вставать на задние лапки. В избытке нежности мог лизнуть человека в нос, а, если в чем-то провинился, то смешно горбился и, поджав хвост, уползал под диван. Прежние хозяева, видать, порядком избаловали животинку, и она сначала ела только пирожные и лишь потом, мало-помалу привыкла к другим, более простым харчам.

С появлением собаки в доме всегда возникают заботы, хлопоты. Надо достать шлейку с поводком, выделить песику его "законный угол", прогуливать его, после прогулок мыть ему лапы, знакомить четвероногого с правилами хорошего тона.

Скоро он стал различать команды: "ко мне", "к ноге", "сидеть" и так далее. Учеником был способным. Из всех житейских премудростей Снежка не смог усвоить только одну: он никак не мог определить, где находится наш подъезд. Забегается, заиграется, закружится - и юрк в первую попавшуюся дверь, по лестнице - вверх, на пятый этаж, и уже слышно, как повизгивает у чужого порога.

Сначала я досадовал за это на Снежку. А потом поймал себя на том, что и сам-то, вернувшись из командировки, иду к своему дому и заранее считаю подъезды, чтобы ненароком не ошибиться. Что ни говори, а наши архитекторы способны сбить с толку не только неискушенную собачонку.

2. В деревне

Отшумел месяц май. Мы с женой засобирались в деревню, где обы-

чно проводим все лето. Встал вопрос: как быть со Снежкой? Теща соглашалась взять песика к себе. Но у нее болели ноги, она с трудом передвигалась по комнате, и прогуливать собачку ей было трудно. Поэтому мы решили ехать в деревню в таком составе: я, Надя и Снежка.

В пути Снежка зарекомендовал себя отменно. Правда, в поезде он несколько раз порывался высочиться в тамбур. Приходилось крепко держать его на руках. Зато в люльке мотоцикла, на коленях у хозяйки, он присмирел и сжался в комок. Но тут же преодолел страх перед скоростью и, как Надя ни старалась прикрыть его попонкой, настойчиво высвобождая из-под брезента голову и устремлял все три точки: два карих глаза и черный нос - навстречу ветру и дождю.

Сельская равнина встретила нас душистым разнотравьем. Повсюду трещали кузнечики, порхали бабочки и пестрели цветы. Временами все это перемешивалось и сливалось в какую-то волшебную цветомузыку, и тогда начинало казаться, что порхают цветы, трещат бабочки, а лужайка потому и зелена, что на ней ужасно много кузнечиков.

Снежка обалдел от такого простора и от той свободы, которая предоставлена собакам в деревне. Он носился в высокой траве, время от времени подпрыгивая для ориентировки, безрассудно гонялся за воронами, галками и прочей пернатой живностью, незлобливо, весело и звонко лаял на кого-то невидимого в траве, рыл передними лапами песок у входа в кротовые норки, скусывал травинки, купался в речке и катался по земле сверху розовым пузом, подставляя его солнышку.

На другой день он уже свел знакомство с деревенскими собаками. Те, громадные и лопоухие, увидя впервые в жизни такого крохотного сородича, сначала оторопели, но потом приблизились. Старый Трезор, обнюхав Снежку, гавкнул и даже начал было бросать задними ногами землю, как это делают все на свете кобели, завидя супротивника. Но скоро Трезору стало совестно перед миролюбивым Снежкой, доверчиво лизнувшим его в морду.

А что стало с соседской Дамкой, даже трудно передать. Нескладная легавая начала вытанцовывать перед маленьким кавалером, потом, чтобы стать одного с ним роста, прижалась к земле, но опять не выдержала и пошла взбрыкивать направо и налево, не дать, не взять, как пять лет назад, когда еще не была мамой.

Словом, в деревне Мартыновской Снежку все признали за своего, даром, что он был японцем.

Однажды нам с Надеей надо было отлучиться в соседнюю деревню. Брать с собой Снежку мы побоялись. Путь был далековатым, и наш малыш мог порядком устать. Пока Снежка возился под кроватью с куриной лапкой, мы потихоньку вышли из избы.

Ходили мы чуть поболее двух часов. И, когда возвращались, еще издали слышали самый натуральный плач. Никогда не подумал бы, что собака может рыдать совсем по-человечески. Снежка, вообразивший,

что он всеми и навсегда покинут, так убивался о разнесчастной своей доле, что собрал к нашему пятистенку с полдеревни.

- Милые; - спросила нас первая же попавшаяся навстречу соседка, - разве можно ребенка одного оставлять?

Объяснять, что это не ребенок, а собака, нам было некогда. Сломая голову, кинулись выручать узника. Когда открыли дверь, то горький плач сменился радостным визгом. У нас были облизаны руки, носы, губы, уши. Снежка улыбался, высунув язык, а в карих его глазах стояли слезы. Так мы поняли, что имеем дело не только с верным, но еще и с нежнейшим, легко ранимым существом.

3. Прощай, воля!

Коротко северное лето. Вот уже полили проливные дожди. Вот и заморозки ударили по полям и огородам. А там, глядишь, и первые снежинки повалили с неба. Пришлось нам Снежку отправлять на зимнюю квартиру. Опять была разыскана шлейка, опять к ней пристегнули поводок. Прощай, деревенская воля!

Однако, не тут-то было. В первый же выход на прогулку Снежка устроил целое сражение за свободу. Он хватал ненавистные путы зубами, кусал их, с остервенением рвал, так что скоро от шлейки осталось одно воспоминание. Приходилось теперь гулять с ним, держа на руках. Это и привело к печальному концу.

Как-то мы опять отлучились из города, и прогуливать собачку в тот день взялась теща. На одном из пешеходных переходов она испугалась мчавшегося прямо на нее огромного самосвала и отпрянула назад. Но, как молния, сорвался с ее рук маленький пинчер, чтоб загородить старшую хозяйку от грохочущей беды, которая пахла резиной и бензиновой гарью.

Он, не раздумывая, бросился на огромное, в десять, двадцать, тридцать раз больше его, крутящееся колесо грузовика, ударился о тугую шину и отлетел метров на пять в сторону. Когда Снежку подобрали, он не двигался. Смерть наступила мгновенно. Похоронила его моя теща во дворе, под липой.

Только я по сей день не верю, что нет на свете Снежки. Мне частенько кажется, что вот-вот раздастся у нас в прихожей радостное повизгивание и мокрый розовый язык прогуляется по моим рукам и лицу.

“Кошкин слуга”

Проходя мимо школьных ворот, я размышлял о чем-то. Должно быть, искал рифму для нового стихотворения. И вдруг - брызги из лужи! Прямо на лицо и на костюм. Обрызгал меня круглолицый синеглазый карапуз с веснушками на вздернутом носу. Он, как колобок, неожиданно выкатился из ворот и пронесся мимо, сопровождаемый криками сверстников.

- Кошкин слуга! Кошкин слуга! - неслоь вслед карапузу.

“Улепetyвает? - подумал я. - Значит, трусишка. Меня обрызгал. Значит, невнимательный. “Кошкин слуга”? Гм-гм. Что-то непонятное. Но,

безусловно, нехорошее. Так что мальчишка этот - скверный!" Заклеймив мысленно Пашку Богатикова (так звали карапуза), я пошел домой.

Конечно, встреча с Пашкой скоро забылась бы. Ведь каждый день происходит в мире столько громких событий! Сверхаются государственные перевороты, делаются научные открытия... А тут - конопатый мальчишка со странным прозвищем. Однако, через месяц...

Надо сказать вам, что я - "сова". Так называют писателей, которые работают по ночам. И по утрам я обычно сплю. А тут случилось около восьми обязательно пойти в город.

Несмотря на утренний час, движение на улице было сумасшедшим. Фургоны, автобусы, самосвалы сновали навстречу друг другу. Шагов за двести я увидел на тротуаре рыжую кошку. Судя по ухоженной шерсти и повадкам, кошка была очень домашней. Она порывалась перейти улицу. Но каждый раз отскакивала назад, смешно трясая передними лапами. Машины фыркали, как страшные громадные звери, а шоферы не собирались тормозить перед маленьким существом, которое не могло преодолеть страха.

И тут я заметил школьника, вышедшего из ближайшего двора. Вот он поравнялся с кошкой, остановился. Кошка не отпрянула от мальчика, а, подняв чистенькую мордочку, мяукнула: дескать, вот, надо бы перейти, а никак невозможно...

Ученик не спеша поставил портфель на тротуар и присел на корточках. Через минуту он уже бежал поперек движения. И шоферы тормозили перед низенькой фигуркой в школьной форме, которая несла на вытянутых руках рыжую кошку. Тормозили они неохотно, скрепя сердце, хотя упрекнуть мальчишку ни в чем не могли: именно в этом месте белели на асфальте полоски перехода "зебра".

Школьник опустил живую ношу на тротуар, чинно вернулся к своему портфелю и пошагал к школьному зданию, видневшемуся впереди.

"Какой чуткий и храбрый мальчик!" - подумал я. И, поравнявшись со школьником, не удержался - вслух похвалил его:

- Молодец!

Он поднял на меня синие глаза, и я увидел знакомые веснушки на носу, вздернутом как раз в самом центре круглой, как колобок, физиономии.

"Кошкин слуга!" - вспомнил я. И мне стало все ясно. И еще - ужасно стыдно перед маленьким человечком за то, что я плохо подумал о нем тогда, месяц назад.

На другой день я пошел в школу. Там я узнал имя героя этого рассказа. Нет, я никому не стал говорить про его уличные подвиги. Не стал стыдить его одноклассников за прозвище, данное ими Пашке. Я просто сказал детям, что мы очень редко еще помогаем нашим меньшим братьям, будь то олень в лесу, снегирь на заиндевелой ветке за окном или обычная кошка на городской улице. Среди сидевших в зале ребят я увидел и Пашку Богатикова. Его круглое лицо-колобок улыбалось.

Фигли-мигли

Ты не спишь, внученька? Вот и хорошо. Я расскажу тебе сказку. Про кого? А вот послушай.

В одном большом-пребольшом лесу жили маленькие-премаленькие фигли-мигли. По деревьям лазили. В ручейке купались. На солнышке грелись. Всякие хорошие дела делали.

Вот лежит на дороге камень и всем очень мешает. Ни букашке не проползти, ни травинке не прорасти, ни водяной струйке не просочиться. Соберутся фигли-мигли вместе, поднатужатся и сдвинут камень в ручей. Пусть по нему водичка бежит, пожуркивает. Воробушек прилетит, на макушку камушка сядет, из ручья напьется, ног не замочит, "чик-чи-

рик" фиглям-миглям скажет.

Но однажды один фигля сказал одному мигле:

- У нас буквы в названиях разные. У тебя - "мы", а у меня - "фы"!..

- Ну и что? - усмехнулся мигля. - Чего тут такого, что у меня - "мы", а у тебя - "фы"?

- А то тут такого, - заявляет фигля, - что я тебя умнее, красивее и интереснее.

И дернул его за волосы. Да-да, точно так, как тебя недавно соседский Петька в садике за бантик дернул. Ага, ты говоришь, что воспитательница за это Петьку стыдила и в угол поставила? А фигля стыдить было некому.

Стерпел мигля. Обнаглел фигля. В другой раз подходит и говорит:

- Делай грязную работу. Черпай воду из лужи, которая в яме после дождя получилась!

Мигля, было, заупрямился. А фигля - цап его за ухо!

Заплакал мигля и пошел грязную лужу руками черпать. А фигля таким же манером еще с одним миглей обошелся. С третьим... пятым... десятым... Собрал он их всех к луже. Стоят мигли на коленках, плачут, грязную воду ладошками черпают. А фигля над ними - командует.

Вычерпали воду. Стала яма сухая. Фигля приказывает:

- Таскай камни! Будем яму заваливать.

Завалили. Тут другие фигли на готовое подскочили. Кричат:

- Таскай камни дальше! Фиглярник строить будем!

Удивились мигли.

- Вам же лучше. Все вместе на крыше фиглярника загорать будем.

- Да вы бы тоже помогли! Вместе-то сподручнее!

- А мы, - разглагольствуют фигли, - советами вам помогать станем...

Вот этот камень вдоль кладите. А этот - наперекосяк. Ай-яй-яй! Упал камень... миглю задавил... Ну, ничего! Поднимайте и кладите теперь левее...

Один мигля вовсе левша был. Он камень-то шибко влево двинул. Упал камень и фигля придавил.

- А! Вы нашего задавили?

- А вы нашего!

И пошла у них рукопашная. Распазгались донельзя! В разные стороны разошлись. Одни стали жить под елкой, другие - под березой.

Строить начали различные сооружения. Одни строили фиглярники, а другие - миглярники.

И все бы это ничего. Да нашелся один зловредный. "Дай, - думает, - я воду в ручье запоганю, чтоб соседям купаться нельзя было!" И запоганил. А сам на другой день пошел напиться, своей же погани наглотался и - копыта вверх!

Какие копыта?.. А это, внученька, иногда так говорят, если кто-нибудь помрет. А у фиблей, конечно, никаких копыт не было. И у миглей тоже никаких копыт не было. У них и разницы-то всей: у одних - "мы", а у других - "фы".

Елка

Уже поваленная в сугроб, она еще продолжала жить и слышала, как тот, который был без топора, похлопав рукавицами, сказал:

- Эх, хороша!.. Как раз для начальника!..

Потом ее везли. Не в кузове грузовика, какие попадались на каждом шагу. Нет, она катилась на легковой. И, поскольку высывалась из-под задранной крышки багажника на добрые полтора метра, на самую ее макушку прицепили, как положено, красный лоскут. Ей это нравилось, потому что такого флажка ни у кого вокруг не было. И даже из-за стекла встречной желто-синей машины ей улыбнулись люди в фуражках и ласково (руки к козырькам) проводили темный лакированный автомобиль

с пышным зеленым хвостом, на конце которого маячило кумачевое пятнышко.

Показались каменные дома. Въехали в город. Миновали квартал, завернули в другой и стали у белого кирпичного здания.

И тут вышедшие из машины поспорили. Не так, чтобы шибко, но поспорили.

- А он ведь и не здесь, вроде, живет...

- Эх, ты! Новую квартиру получил. А мы ему - небольшой сюрприз на новоселье... Соображать надо!..

И ее понесли на третий этаж. Понесли ногой вперед. Вершинку волочили по ступенькам. Она чертила по цементной пыли замысловатые зигзаги. Привязанный к маковке лоскуток съежился, сваялся, посерел. Это ее огорчило. К тому же дверь на нужном этаже оказалась запертой. Прислоненная к дверному косяку, привезенная гостя совсем, было, развоплощалась. Но, уходя, один из людей сказал:

- Придет хозяин - то-то обрадуется!

И слова эти прозвучали так обнадеживающе, так успокоительно, что она решила набраться терпения и ждать.

Ждать пришлось долго. Смеркалось. В полутьме старичок, идя мимо, заплнул за ее ногу и чертыхнулся. Мальчишка-шалопай, пробегая, щипнул за колючую лапку. Потом по всей лестнице вспыхнул свет. "Наверное, идет хозяин!" - подумалось елке.

Но то шли гости в соседнюю квартиру. В приоткрытые двери она увидела что-то близкое, знакомое, родное, проглядывающее сквозь мишуру блесков, шариков и витых лент. "Как красиво!" - прошелестела она и почему-то заплакала. Она плакала, прислушиваясь к веселым голосам за дверью напротив, плакала всю ночь так, что по лестничной площадке растеклась лужица.

Утром пришла женщина с тряпкой, вытерла лужу, сочувственно вздохнула. Прошло сверху вниз несколько человек. Поглядывали, покачивали головами. И ее вдруг охватила непереносимая тоска. Схватилось, сжалось у нее что-то в самой сердцевине. И она стала сохнуть.

...Дня через три подъезд огласился громкими голосами и топотом ног. Вверх тащили мебель. Впереди шел с ключами в руке грузный мужчина, которого все слушались и, видать, побаивались. На третьем этаже он вскинул глаза и замер от неожиданности.

- Вот те на! Елка! - сказал он то ли с удивлением, то ли с досадой.

Через минуту ее уже тащили вниз. Тащили, торопясь и ворча, ломая о перила ветки, осыпая иголки, обрывая шишки. И она, растрепанная, обескураженная, отразилась в проплывавшем мимо, наверх, полированном шкафе с зеркалом. На улице ее воткнули торчком в сумет.

Когда все ушли, из подъезда вышел грузный мужчина, которого все слушались и, видать, побаивались. Он постоял возле елки, кашлянул в кулак и сказал тихо, как бы сам себе:

- Какое дерево погубили...

Но этого она уже не слышала. Она была мертва.

Домашние “фокусы”

Родительское собрание подходило к концу, когда Анна Харитоновна, классный руководитель 7-го “А”, спросила:

- У кого есть вопросы?

Сухонькая старушка с “галерки” подняла руку.

- Пожалуйста, я слушаю, - сказала учительница.

Старушка откашлялась в кулачок и начала:

- Я вот, милая, на химичку хочу пожаловаться. Химичка у вас какая-то есть...

- Я что-то не понимаю вас, бабуся...

- Ермолаева я, Ермолаева. А чего не понять-то? Задаёт ента химичка на дом моему внуку енти, как их... фокусы.

- Опыты, наверное.

- А пусть будут опыты. Только мне от ентих опытов сплошной раззор. Этта, пока я в подпол лазила, взял внук чайник фанфоровый. Енто у ево, значит, как ее... леторта. Графинчик старинного стекла. Енто, выходит, кобла. Всю посуду на плиту взгромоздил - огонь зажег. Кресталы ему надо какие-то вываривать. Соль, что я огурцы солить берегу, половину по полу рассыпал, половину в чайник. Ну, чайник, знамо дело, треснул. Графинчик - тоже. Думаешь, ентим дело кончилось? Ан нет! Намочил стервец белую скатерть и - бух на сырое место марганцовки. Сидит и любитса, как по скатерке малиновая блямба расползается. Я - на ево: “Ты што, сукин сын, творишь?” - “А я, - говорит, - флиртование изучаю. Химичка велела...”

Классная руководительница покраснела:

- Химию в школе преподаю как раз я. Действительно, сейчас мы проходим выпаривание и фильтрование. Но подобных опытов на дом я не задавала. Это ваш внук сам нафантазировал.

- Я ему енто флиртование ремнем по жопе прописала. А тебе, милая, иску принесла. Вот тут у меня все сочитано...

Старушка маленькими шажками приблизилась к столу и положила перед учительницей тетрадный листок в клеточку, где столбиком стояли каракули:

“ЩЕТ

за соль · 550 р.

за треснутой чайник · 30000 р.

за граф. · 50000 р.

за скат. · 120000 р.

а всиго ушшерба от домашних фокусов 200550 р.”

Тарелка супа

"Вот еще! - думает Колька Королев, стоя перед молодым учителем. - Издева-а-ается... "Опять улок не выучил?" Знал бы этот Макалыч, почему не выучил! Не знает! А я не скажу! Наложно не скажу!.."

Не выговаривает Колька Королев букву "р". Тут уж ничего не поделаешь. У маленького так повелось: "лисовая каша", "алифметика", "лисование". И до того это "л" вместо "р" въелось, что даже думает Колька, как говорит: "Ласкличался Макалыч!"

А Иван Макарович и вправду раскричался. Гроза гремит в четвертом классе.

- Опять баклуши бил, Королев? Останешься после уроков! Будешь рассказывать мне про муссоны! Вот такая история с географией! Будешь знать, как баклуши бить!

"Какие баклуши? - думает Колька. - Что за баклуши? Это, навелно, бутылки какие-то, влоде тех, каких у отца после водки - целый чулан..."

Летом Колька и впрямь немало побил этих бутылочек. Они разные: и зеленые, и посветлее, и даже искоричнева бывают. Хорошо их поставить на столбушку у оврага, и - бац! - камнем. В меткого стрелка Колька готовится. Все бы хорошо, да отец шибко дерется. Один раз за бутылки Кольке влетело. "А что я в магазин сдавать буду?" - спросил грозно отец.

Вчера Кольке также влетело. "И жрать не дали. Целый день с голодным брюхом. Знал бы Макалыч - не издевался бы..."

- Садись, Королев! Все пойдут домой, а ты останешься.

"Ха! - думает Колька, - делжи калман! Оста-а-анусь. Как же".

Сумку Колька на коленке держит, на правом коленке, которое к двери ближе. И на край парты подвинулся, тоже к двери поближе. Хорошо, что учитель его от всех на крайнюю парту пересадил. Вот сейчас зазвонит звонок - и Колька был таков!

"И сегодня убежит! - соображает молодой учитель. - Надо к двери встать. Вчера же удрал Королев. Сегодня упустить нельзя. Ишь волю взял!"

"Скорей бы звонок! - думает Колька. - Макалычу что! У него вон часы! Ишь запоглядывал! Чисто судья на футболе..."

Звонит звонок. Колька срывается с парты. Не тут-то было! Учитель в дверях. Сграбастал, сладил с Колькой, посадил за парту.

- Будем учить невыученное. Такая история с географией... Открывай учебник на нужной странице. Вот здесь. "С побережья дуют ветры..."
Читай!

Колька молчит. Голову опустил и молчит. Не будет он читать. Это и курице ясно. Не будет - и все тут! "А кишка кишке кукиш кажет... Жрать хочется... Мать, поди, калтошки нелупленной навалила!..."

- Будешь читать?

Молчание.

- До ночи будем сидеть?

- До ночи не высидите. Кушать захочите - и уйдете. И я уйду.

Ишь, как культурно выразился Колька! "Кушать" вместо "жрать". Это потому, что "жрать" ему все равно не выговорить, а "жрать" он не желает при учителе произносить.

Но учитель и тут придрался.

- Не "захочите", а "захотите", Королев... Ничего, я потерплю... Такая история с географией.

Оба сидят, терпят. Учителю легче терпеть. Ему не надо идти куда. У него квартира - за стенкой. Прямо при школе. Там его матушка, - тоже

учительница, первышей учит, - супчик мясной сварганила. Даже сюда, в класс, пахнет. Кольке труднее. Ему до картошки нелупленной три версты топать. В соседнюю деревню. А там еще накормят ли, кто знает. Отец спросит: "Почему поздно? Где дневник?.. Ах, опять, щенок, двойку принес!", и - наши-ваши. Ремень у отца на стенке. Только руку протянуть.

- Ваня! - кричит из-за стенки мать Ивана Макаровича. - Что так долго? Кушать пора. Я уже поела. Тебе оставила. Суп стынет. Слышишь, Ванюша?

Колька ухмыляется. "Ваню-ю-юша! Сейчас пойдет Макалыч. Пойдет, как миленький! И меня ему отпустить плидется..."

Ой, что это? Учитель встает и берет Кольку за рукав.

- Пойдешь со мной. Я буду обедать, а ты уроки учить!

"Ни за что! - думает Колька, вцепившись обеими руками в парту. - Ни за какие ковлижки!"

Где там Кольке удержаться! Молодой учитель сильнее пяти таких Колек. Оторвал от парты, понес на вытянутых руках Кольку, как таракана. Таракан бы шесть ног выставил. А у Кольки только две ноги. Все равно за косяк одной ногой зацепился. Учитель и с этой преградой справился. И сумку, и учебник, и самого Кольку в собственную квартиру приволок. За стол на кухне усадил. Сам напротив сел.

"Макалыч весь класный. Навелно, от злости? Матушка супу ему наливают..." Колька исподлобья смотрит на Ивана Макаровича. Глокает Колька Королев слюну. Судорожно глокает.

Иван Макарович с матушкой переглянулись. Жалкий видок у Кольки. Аж посинел парнишка. "Да он же голодный!" - доходит до молодого учителя.

- Мама, - говорит он спокойным голосом, - поставь Королеву тарелку.

Колька, Колька! За что тебе такое испытание? Неужели будешь есть, Колька? У этого "Макалыча"? Держись, Колька!

А супчик пахнет укропом и всякими прочими чудесами. И кружочки масляные плавают в нем. И в каждой масляной капельке окошко кухонное отражается. И Колька отражается. И воля за окошком тоже отражается.

Чья-то ладонь мягко коснулась затылка. "Неужели Макалыч? Чего это он меня гладит? Что я, кошка Мулка, что ли?" Хотел дернуться Колька, а дернуться-то некуда. Сзади спинка стула. С одного боку - Макарыч. С другого - окошко. Спереди - тарелка с супом. Зашмыгал носом Колька. И выкатились из его глаз слезинки. Мелкие такие слезинки. Не выкатывались даже тогда, как отец ремнем драл, а тут - на те, пожалуйста! От ладонки теплой на затылке взяли да и выкатились.

- Ешь, Коля! Считай, что ты у меня в гостях.

Слезы - ручьем. А запах супа - в нос, ноздри щекочет. Взял Колька

ложку, и она сама как-то супу зачерпнула. Хлебнул, а ложка деревянная, расписная. В другое время любовался бы. А тут некогда. "Ждать хочется!" И задвигалась ложка ото рта к тарелке, от тарелки ко рту. Пошел горячий супчик по Колькиному нутру. Тепло стало Кольке. А матушка Ивана Макаровича хлеб подкладывает, кашу из горшка выворачивает. Королевский обед! "Вот как кушают учителя! Ого! И чай с валеньем!"

Колька вареньем на стол капнул, языком со стола капельку слизнул. "Сейчас учитель по лбу ложкой тлеснет!.. Нет, не тлеснул. Отец тлеснул бы... Как пить дать, тлеснул бы..."

- Ну, вот мы и пообедали, Коля. А теперь давай все-таки разберемся, откуда и куда дуют зимой муссоны...

- С по-бе-лежья... - благостно тянет Колька.

* * *

Через несколько минут Колька Королев идет по октябрьской пороше в свою деревню. Задувает ветерок. Но Кольке не холодно.

"А Макалыч не вредный, - думает он. - Он холоший человек. Вот записку написал отцу: "Коля был у меня в гостях. Мы вместе обсуждали географические проблемы". - "Плоблемы! Ишь как вылезился Макалыч! Это, чтобы отец не ддлся... А у Макалыча, оказывается, нету отца, на флонте убили... Вот такая истолия с географией..."

Идет Колька Королев домой. Задувает ветерок. Может, муссон, а может, не муссон... Кто его разберет... До моря-то далеко... Грядет зима сорок восьмого года.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Снежка</i>	<i>4 стр.</i>
<i>“Кошкин слуга”</i>	<i>8 стр.</i>
<i>Фигли-мигги</i>	<i>10 стр.</i>
<i>Елка</i>	<i>12 стр.</i>
<i>Домашние “фокусы”</i>	<i>14 стр.</i>
<i>Тарелка супа</i>	<i>15 стр.</i>